

ПО ТУ СТОРОНУ КОНЦА ИСТОРИИ

Наблюдая как исписывают литры чернил по поводу моего эссе „Конец истории?“, я пришел к выводу, что мое подлинное достижение было в том, что мне удалось вызвать уникальное общее единодушие не относительно нынешнего статуса либерализма, а относительно того, что я не прав в своем утверждении об истории, которая кончилась. Это единодушие особенно замечательно тем, что оно распространяется от Маргарет Тэтчер и Уильяма Бакли справа до „Нейши“ и Михаила Горбачева слева. Назовите мне другого американского политика, которому бы удалось этого достичь?

Первым и наиболее общим недоразумением было упорное непонимание или неприятие гегелевского понимания термина „история“. Многих огорчило, что из употребления было изъято обычное определение истории как набора случайных событий, в котором отсутствует внутренняя иерархия или попытка провести различие между менее и более важными событиями.

Утверждение, что история конечна, удивляет только тех, кто не знаком с гегелянско-марксистской традицией. „Историю“ по Гегелю можно трактовать в более узком смысле как „историю идеологии“ или историю мышления о первичных принципах, включая принципы управления политическими и социальными организациями. В этом случае „конец истории“ означает не окончание потока событий в мире, но завершение эволюции человеческих представлений об этих первичных принципах.

Читатели моей статьи не первые, кого потрясло понятие

„конец истории“. В начале XIX в. сам Гегель вызвал заявлением о конце истории гневный протест, особенно резкий со стороны молодого Карла Маркса, который считал, что явная несправедливость современного ему общества изобличает ложность самоуверенного утверждения Гегеля „все, что реально, — рационально“. Собственно говоря, Маркс в течение всей своей научной карьеры пытался доказать, что Гегель был не прав, но не относительно конца истории, а в отношении его заявления, что история уже кончилась.

Мы все еще живем во времена, когда продолжают марксовы попытки опровергнуть Гегеля. Мы видим их в разваливающихся коммунистических режимах Восточной Германии, Чехословакии и Болгарии, в огромных полчищах бюрократов, которые еще вершат произвол над жизнями миллионов людей в Советском Союзе и Китае, в камбоджийских партизанах, ждущих в джунглях возврата власти. Полный и явный провал коммунизма наталкивает нас на вопрос, не был ли весь марксистский эксперимент 150-летним отклонением, и не следует ли нам поразмыслить на тему, не был ли Гегель действительно прав, увидев конец истории в либерально-демократических государствах, созданных французской и американской революциями.

Чтобы опровергнуть мою гипотезу, недостаточно предположить, что у будущего в запасе имеется немало крупных и важных событий. Нужно еще доказать, что эти события — результат проведения в жизнь систематизированной идеи политической и социальной справедливости, которая претендует на превосходство над либерализмом. Ядерная война между Индией и Пакистаном, какой бы ужасной она ни была для этих стран, не подходит под эту мерку, по крайней мере если кто-нибудь не заставит нас пересмотреть основные принципы, на которых покоится наш социальный порядок.

Следующий уровень недопонимания моей статьи связан с тем, что кое-кто умудрился усмотреть взаимосвязь между ее публикацией и нынешней политикой администрации Буша. Вероятно, этих людей не удовлетворит мое замечание, что статья была задумана и написана задолго до того, как у меня возникла какая-либо перспектива на работу в государственном департа-

менте, что я там относительно мелкая сошка и весьма мало могу воздействовать на выработку политической линии.

Меня постоянно изумляет узость мышления Вашингтонских политических кругов, особенно политиков от средств массовой информации, которые не могут понять, что существуют более важные и более интересные темы, нежели внешнеполитическая программа данной администрации, пусть даже выглядящая в настоящий момент достаточно логичной и последовательной. Более фундаментальная проблема, которую я пытался донести до моих читателей, истинность и адекватность либерализма как такового. Этот тезис, я в этом абсолютно уверен, переживает как администрацию Буша, так и последующие администрации.

Таково же недопонимание моей точки зрения на соотношение между событиями в царстве идей и событиями в реальном мире. Меня обвинили в самодовольной уверенности в том, что последние завоевания либеральной демократии являются вечными; в том, что я поставляю аргументы для оправдания якобы робкой и бездеятельной администрации Буша, а во Франции говорили, что я являюсь глашатаем наступления американского изоляционизма, который будет мотивирован тем, что „холодная война“ выиграна и американцы могут вернуться из Европы домой.

Признаю, здесь я мог бы выразиться яснее. Когда я писал, что „идеал либерализма в конечном счете станет править и материальным миром“, я не имел в виду, что процесс этот будет легким и наступит автоматически или что он будет происходить и без активного вмешательства правительства и индивидуумов. Очевидно, демократическая революция в мире далека от завершения и она, в гегельянском смысле, потребует огромной работы и борьбы для более полного осуществления. Масштабы проблем, с которыми сталкиваются реформистские правительства советского блока, устрашают, и успех далеко не гарантирован.

Но следует признать, что в мире происходит великая революция, и что в этой революции идеи идут в счет. Не может не иметь каких-либо последствий тот факт, что нынешний генеральный секретарь Коммунистической партии Советского

Союза требует от неэффективных уступить дорогу способным и знающим и признает, что его партия не обладает монополией на правду. События века травмировали нас и выработали в высшей степени циничное отношение ко всякого рода разговорам о прогрессе. Нам следует быть осторожными, чтобы не перегнуть палку, не переступить пределы благоразумия и видеть реальность такой, какой она есть.

Читатели, которые правильно поняли мои доводы, определили несколько источников идеологического соперничества с современным либерализмом: коммунизм как таковой, исламский фундаментализм, национализм и некоторые новые идеологии, о которых мы еще ничего не знаем. Давайте рассмотрим их по порядку.

Чаще всего мои статьи критиковали за то, что я слишком рано стал списывать со счета коммунизм как силу в реальном мире и как идею. В подтверждение своих доводов некоторые авторы указывали на незавершенность и уязвимость процесса реформ в Советском Союзе, Китае и странах Восточной Европы, на по-прежнему ревностных и яростных ортодоксальных коммунистов, которые наиболее явно проявили себя во время разгрома на Тяньяньменьской площади, что произошло уже после окончания моей статьи.

Я первым готов признать, что процесс реформ в коммунистическом мире незавершен и уязвим. Трагические репрессии, обрушившиеся на Пекин в июне 1989 г., отодвинули либерализацию этой страны на многие годы, и было бы глупо утверждать, что подобного рода движение в обратную сторону не может произойти в любой из стран, в которых сегодня проводятся реформы, в том числе в Советском Союзе и в остальных странах Восточной Европы.

Тем не менее я задаюсь вопросом: может ли подобного рода движение назад полностью восстановить Советский Союз, каким мы его знали и какого боялись. Ведь традиционная советская угроза происходила не только от военной мощи и материальных ресурсов СССР, но и от претензий на воплощение универсальной идеи, враждебной нашему образу жизни. Наименее вероятно возрождение именно этого мессианистического ощущения собственного предназначения. Новое консервативное

руководство Советского Союза сможет использовать традиционные репрессивные органы — армию и полицию — для восстановления порядка, но ему будет очень тяжело возродить старую марксистско-ленинскую панацею для укрепления авторитета партии или налаживания вечно барахлящей экономики.

Исламский фундаментализм является не только соперником либерализма в мусульманском мире, он одержал полную победу над либерализмом во многих странах. И все же, несмотря на претензии ислама на роль универсальной религии, фундаментализм практически не нашел отклика за пределами мусульманского мира.

Полный провал ислама в попытке найти сторонников, скажем, среди американской или японской молодежи наводит на размышления. Наиболее правдоподобным объяснением силы фундаментализма является истолкование его как реакции на мощный позыв либерализма, с которым мусульманский мир столкнулся впервые. Хотя ислам охватывает почти миллиард верующих, нынешнее столкновение между мусульманским и либеральным мирами не выглядит как поединок равных.

Некоторые склонны рассматривать как гораздо более серьезную угрозу национализм, поскольку национальные чувства постоянно на виду в постисторическом мире. По мере того как коммунизм отступает в Восточной Европе, перед нами предстает захватывающее зрелище возрождения давнишних национальных конфликтов — таких, например, как конфликт между Венгрией и Румынией из-за венгерского меньшинства в Трансильвании. Германию ожидает большое испытание стойкости ее либерализма; национализм еще вернется в эту страну, поэтому многие европейцы взирают без энтузиазма на перспективу воссоединения Германии.

Все это дает основания полагать, что постисторическая эпоха не будет свободна от серьезных конфликтов, но все-таки следует рассматривать эти конфликты как относительные. Конфликты между Венгрией и Румынией, или между Болгарией и Турцией, или между Арменией и Азербайджаном, какими бы трагическими они ни были, никогда не достигнут масштаба большой межконтинентальной ядерной войны, которой мы опасались и которую мы старались предотвратить все эти 40 лет.

Алан Блум предположил, что опасные силы национализма могут вспыхнуть даже в сердце Европы в результате стремительного роста нынешних правых антииммигрантских партий во Франции и Германии. Другие считают, что схожий авторитарный потенциал имеется у движения зеленых. Все это возможно, хотя я не вижу, каким образом какая-либо из этих экстремистских партий сможет свергнуть политическую систему в своей стране в ближайшем будущем.

Страной с наибольшим потенциалом фашизма является Советский Союз. Славянофильствующие авторы, пишущие для таких советских журналов как „Наш Современник” или „Молодая Гвардия”, выражают свои мысли на языке, который Европа не слышала уже многие годы, и при этом они пренебрежительным образом близки к мышлению национального большинства в СССР. Если послетитовская Югославия в некотором смысле является моделью советского будущего, то следует опасаться, нет ли там на подхвате русского Милошевича — партийного аппаратчика, который в один прекрасный день обернется фашистским демагогом, пробуждающим в доминирующей национальности веру в свои „права” по отношению ко всем остальным. Такая возможность реальна, и не следует упускать ее из виду.

Наконец, последним соперником либерализма является так называемый „X-фактор” — это, согласно Чарльзу Краутхаммеру — злая сторона человеческой природы, которая может проявиться в непредсказуемых формах. Подобное, конечно же, возможно. Гегель ведь не смог предсказать в 1806 г. ни появления фашизма, ни появления коммунизма.

Все согласны, что демократическо-эгалитарные тенденции могут натолкнуться на сопротивление и в некоторых странах на существенный период времени быть отброшены назад. Главный гегелевский вопрос: может ли долгий путь к современному демократическо-эгалитарному сознанию, который начался по крайней мере с возникновения христианства в Европе, сам по себе рассматриваться как мгновение или случайность в истории, вполне обратимая, или же силы, лежащие в основе нашей природы, претерпели изменение в этом отношении.

Возможно, что через пару сотен лет рабство будет широко узаконено, или же что миру придется пройти через цикл монар-

хических и аристократических режимов, моральные основы которых будут выглядеть столь же прочно, как основы сегодняшних демократий? Возможно ли, что глобальный катаклизм, ядерный или экологический, сметет все начисто, и исторический процесс начнется заново? Или же мы вернемся к тому, на чем остановились, и отстроим наш мир в том виде, в котором он существовал до катастрофы, продолжая наши нынешние споры о правах женщин и меньшинств и настаивая на нерушимости Первой поправки к американской Конституции?* Я ставлю эти вопросы без надежды услышать на них ответ.

* Первая поправка к Конституции США гласит:

„Конгресс не должен издавать законов о введении какой-либо религии или о запрещении свободно исповедывать какую-либо религию, или о стеснении свободы слова и печати, или об ограничении прав народа мирно собираться и обращаться к правительству с просьбами о прекращении злоупотреблений”. См. Конституция Соединенных Штатов, „Проблемы Восточной Европы” № 17—18, стр. 261—287.